

Первый год правления Юнчжэна

Четвёртый сын императора Канси, Иньчжэнь, вошёл на престол. В историю этот период вошёл под девизом Юнчжэн.

Дворец Сяньань

Узнав о воцарении нового монарха, законный наследник Канси, второй принц Иньжэн, лишь слегка усмехнулся. Он не проронил ни слова и даже не удостоил взглядом доставившего весть евнуха.

Посланец, впрочем, не выказал и тени обиды. Слуги Иньжэна почтительно увели его в сторону, чтобы угостить чаем.

Выйдя за порог, евнух пощупал сквозь ткань рукава увесистый кошель и мысленно вздохнул: даже истощённый верблюд остаётся крупнее лошади. Былое величие до конца не выветрилось.

Проводив гостя, Ли Ян, один из личных слуг Иньжэна, бесшумно скользнул обратно в покои. Он украдкой взглянул на мужчину, который сидел на кане, скрестив ноги и погрузившись в чтение.

"А ведь лишённый титула наследный принц... — юноша мысленно осёкся, — кхм, второй принц действительно поразительно красив. И вовсе он не такой безумный тиран, как шепчутся в народе. Напротив, в нём словно совсем не осталось жизни. Запертый здесь, он почти никогда не буйствует. Говорит мало, а проснувшись поутру, может часами сидеть на одном месте, не шевелясь. На его бледном лице застыло безразличие, точно у нефритового изваяния"

Конечно, этот кроткий господин порой впадал в необъяснимую ярость, пугая прислугу дикими вспышками гнева, но буря быстро утихала, и он вновь замирал, уподобляясь ледяной статуе. Это странное поведение не давало Ли Яну покоя.

Он коснулся боков стоявшего на столике чайника, унёс его и вскоре вернулся с горячим отваром. Осторожно опустив чайник на стол, слуга тихо поклонился и покинул комнату, чтобы передать дежурство сменщику. Желающих поработать при свете дня всегда хватало.

Вернувшись в свою каморку, Ли Ян принялся разминать ноги своему наставнику, тщательно рассчитывая силу нажатий. Юношу по-прежнему одолевали сомнения.

Говорили, что старик когда-то пользовался особым расположением покойного императора Канси. Непонятно только, почему незадолго до кончины владыки его сослали сюда и зачем он взял Ли Яна в ученики. Юноша понимал, что своей редкой удачей обязан лишь совпадению — они были однофамильцами. Обычно люди на склоне лет совершают странные поступки, но наставник действительно относился к нему тепло, пусть порой и смотрел на него как-то

странно.

Однажды, когда старик был в благодушном настроении, Ли Ян решился расспросить его о причудах их господина. Но улыбка мгновенно сошла с лица наставника.

— Хочешь выжить в этих стенах, — наставник влепил ему затрещину и сухо отчеканил, — поменьше болтай, поменьше дёргайся и побольше думай головой. Не суй нос куда не просят. У кошки девять жизней, но даже их не хватит на твои расспросы!

После этого он выставил Ли Яна за дверь.

Вспомнив это, Ли Ян посмотрел на старика. Тот уже мирно спал, закрыв глаза. Юноша бесшумно выскользнул наружу и поднял взор к квадратному лоскуту неба над головой. На душе было тоскливо.

"Дворец Сяньань — воистину проклятое место"

Хотя содержание второму принцу урезали, лекари навещали его исправно даже при легчайшей простуде. Новый император, как поговаривали, некогда ладил с их господином. Так почему же Иньжэн не попытается наладить связь с престолом, чтобы облегчить свою участь?

Зал Вращения Сердца

В Зале Вращения Сердца новый император читал донесение от тайной службы. Тяжёлая, властная аура мгновенно заполнила кабинет, воздух словно сгустился, а он ещё сильнее нахмурился. Взмахом руки он отослал доносчика прочь.

В Запретном городе нет места жалости, здесь чтят лишь силу. Забытому всеми человеку в этих стенах не выжить.

Юнчжэн медленно провёл пальцами по шёлковому свитку с портретом, с силой прижав подушечку к очерченным губам на рисунке. В его тёмных глазах вспыхнул опасный огонёк.

"Второй брат... — император погладил шёлк, — ты ведь не небожитель, чтобы питаться лишь росой да туманом. Рано или поздно ты придёшь ко мне с мольбой. Я подожду"

Император холодно и хищно усмехнулся.

Спустя полмесяца, глухой ночью, во дворце Сяньань раздался резкий, пронзительный возглас

слуги, возвестивший о прибытии владыки. Дремавшие евнухи и служанки испуганно вскочили и тут же повалились ниц, замирая от страха:

— Дарует раб своё почтение императору! Да здравствует ваш величественный союз с небом!

Облачённый в драконий халат Юнчжэн неторопливо вошёл во внутренние покои дворца Сяньань. На кане, накинув на плечи лёгкое одеяние, сидел Иньжэн и читал книгу. Он даже не поднял головы, выказывая полное пренебрежение к царственному гостю.

Ярость заклокотала в груди императора. Едва сдерживая гнев, он сделал знак свите удалиться.

— Давно не виделись, второй брат, — Юнчжэн ядовито процедил, когда они остались наедине, — надеюсь, ты пребываешь в добром здравии?

Иньжэн наконец зашевелился. Он отложил книгу, медленно повернулся и посмотрел на императора.

— Не стоит вашей заботы.

Он слабо усмехнулся, но голос прозвучал холодно, точно зимний ветер.

Император вгляделся в его лицо. Годы словно не коснулись Иньжэна — он выглядел точно так же, как в дни их юности, словно время застыло для него навсегда. И смотрел он прежним взором — высокомерным, скользящим по Юнчжэну свысока, как на докучливую пыль.

Забыв все заготовленные речи, Юнчжэн долго молча смотрел на него, а затем круто развернулся и покинул покои.

Что ж, он посмотрит, как низко падёт этот гордец, когда лишится последних крох императорской милости.

Второй год правления Юнчжэна

Над дворцом Сяньань бушевала метель.

В выстуженной комнате, кутаясь в поношенный лисий мех, Иньжэн полулежал на кане, привалившись к старой подушке. Каждое судорожное движение отзывалось приступом мучительного, глухого кашля. На нерадивость слуг он не обращал внимания — терпеть он научился уже очень давно. Его занимал лишь один вопрос: когда же этот затянувшийся кошмар наконец закончится?

Сквозь прорехи в пожелтевшей бумаге на окнах влетали снежинки, тая на холодном полу. В комнате пахло сырой землёй и наступающим бураном. Иньжэну вдруг нестерпимо захотелось взглянуть на снегопад.

Собрав последние силы, он приподнялся на локтях. Удивительно, откуда в истощённом теле взялась эта неожиданная лёгкость? Но удивление быстро сменилось спокойным пониманием.

"Неужели время пришло?"

В памяти, словно в лихорадочном сне, замелькали обрывки далёкого прошлого. Безумная гордость юности, слепая вера в счастье, предательство, выжегшее душу дотла, и долгое, томительное безумие одиночества...

Он горько усмехнулся.

"Вся моя жизнь крутилась вокруг одного человека, — Иньжэн прикрыл глаза, — от него я получил всё, и ему же вернул долг, расплатившись за появление на свет этой жалкой, изломанной судьбой. В следующей жизни... пусть ни на небесах, ни под землёй мы больше никогда не встретимся"

От этой мысли в груди тупо заныло. То была не обида — скорее странное, освобождающее облегчение. Наверное, он слишком поздно осознал, что хваленая отцовская любовь была лишь искусно разыгранным фарсом.

Вспоминая об обмане, Иньжэн, конечно же, не мог забыть того, кто предал и подставил его — брата, который оставался единственным близким человеком после его первой опалы. Теперь, оглядываясь назад, Иньжэн понимал, насколько фальшивой и топорной была игра нынешнего императора. Но тогда он верил ему всей душой.

Победителей не судят. Винить некого. И всё же он не думал, что младший брат ненавидел его настолько сильно, что обрёл на столь мучительное угасание.

Ему хотелось рассмеяться над собственной глупостью, но даже на улыбку не осталось сил. Пожалуй, уйти в тишине и покое — не самый худший исход. Жаль только детей. Перед ними он виноват безмерно, этот долг придётся отдавать уже в ином воплощении.

Сквозь неплотно прикрытую створку окна Иньжэн мутным взором следил за кружением белых хлопьев. На душе было удивительно мирно. Тяжёлые веки сомкнулись сами собой, и он погрузился в глубокий сон.

Зал Вращения Сердца

Выслушав доклад соглядатая, Юнчжэн резко поднялся, но тут же бессильно опустился обратно

в кресло. Он закрыл глаза и долго сидел в абсолютной тишине, прежде чем глухо бросить:

— Убирайся.

Этой ночью государь остался в Зале Возвращения Сердца один.

На следующий день вышел императорский указ: покойный второй принц Иньжэн посмертно удостоивался титула великого князя Ли первого ранга с почётным именем Ми.

Третий год правления Юнчжэна

Хунши не знал, какими словами выразить то, что творилось у него на душе. Он просто опустился на колени и зачитал слова благодарности за высочайшую милость, беспрекословно следуя вбитому в плоть и кровь этикету.

Вместо отчаяния его охватило странное, опустошающее облегчение.

"Наконец-то всё закончилось"

Так чувствует себя человек, который долго ждал неизбежной беды, и теперь, когда удар нанесён, может наконец перевести дыхание. Но в глубине души всё равно тлеет горькое, ядовитое недовольство.

Император, его собственный отец, так легко отрёкся от него. Семейные узы в этом проклятом доме не стоили и ломаного гроша. И как теперь быть его матушке? В этом змеином логове, лишившись единственного сына и опоры, как она выживет?

"Прости меня, матушка, — Хунши мысленно сжимал кулаки, — прости непутёвого сына..."

Словно в тумане, Хунши позволил увести себя под руки. Его усадили в паланкин и повезли к новым покоям. Лишь когда его опустили в кресло в чужой гостиной, он наконец пришёл в себя. Подняв глаза, Хунши встретился с глубоким, пронизательным взглядом мужчины, сидевшего напротив. В этих всегда равнодушных глазах сейчас читалась едва заметная тень вины.

Хунши тихо, едва заметно улыбнулся.

"Вовсе не нужно винить себя, восьмой дядя. Когда я решил встать на твою сторону, я прекрасно понимал, чем всё обернётся. Даже зная, сколько холодного расчёта было в твоей заботе. И пусть твоё раскаяние сейчас весит не больше пылинки — мне этого довольно"

— Отец... — негромко позвал Хунши, накрывая ладонью чужую руку, лежавшую на его плече.

Несмотря на ураган в душе, лицо юноши оставалось бесстрастным, а манеры — безупречно вежливыми. Он перенял лучшее от двух признанных мастеров придворной игры: восьмого добродетельного принца и ледяного четвёртого принца, за что в итоге и поплатился головой. Излишний ум рождает подозрения.

Рука Великого князя Лянь первого ранга, Иньсы, заметно дрогнула. Ладонь этого мальчика была пугающе холодной, этот холод пронзил Иньсы до самого сердца, заставив вздрогнуть. Внутри поднялась паника, и он, стараясь казаться невозмутимым, мягко высвободил пальцы. Глядя в ясные, по-детски чистые глаза юноши, Иньсы впервые в жизни почувствовал, как горькое сожаление затапливает разум. Перед глазами закружились обрывки их редких встреч, но показать свою слабость он не мог ни перед кем.

Иньсы отвернулся и молча сел в соседнее кресло. Великий князь, некогда подчинивший своему влиянию половину двора благодаря сладкоречию и обаянию, теперь не находил слов для собственного приёмного сына.

Хунши посмотрел на свою опустевшую ладонь и медленно сжал её в кулак. Пустота. Мимолётное тепло растаяло без следа.

В мыслях Хунши горько усмехнулся — правда, он и сам не знал, над кем именно.

Чтобы не усложнять и без того неловкое положение своего нового «отца», Хунши вежливо сослался на необходимость обустроиться на новом месте и, откланявшись, покинул залу.

— Хунши... — раздался нерешительный голос у самых ворот.

Он обернулся. Позади стояли его девятый и десятый дяди.

Хунши улыбнулся им своей обычной, мягкой улыбкой, почтительно поклонился и пошёл прочь.

Провождаемый их смятенными взглядами, он чувствовал, как душу затапливает долгожданное, мёртвое спокойствие. Долг перед приёмным отцом выплачен полностью. Единственный человек, перед кем он остался виноват на этой земле — его родная мать.

"Матушка, ваш сын оказался неблагодарным"

В полупустом, холодном поместье бледный и исхудавший Хунши лежал на постели в полном одиночестве. Время пришло. Юноша слабо усмехнулся.

"Наконец-то мучениям конец. Когда меня не станет, император и Хунли из соображений престижа не посмеют трогать мою мать. Напротив, чтобы выказать великодушие, они осыплют её милостями. А слуг во дворе я уже задобрил, задействовав последние крохи своего влияния"

"Матушка, если суждено нам родиться вновь, пусть это будет самая простая, бедная семья. Я стану самым почтительным сыном на свете и больше никогда не оставлю вас ради чужих амбиций"

Он закрыл глаза.

Перед тем как окончательно погрузиться во тьму, Хунши почудилось, будто кто-то зовёт его по имени...

"Должно быть, бред угасающего разума. Говорят же, перед смертью человек вспоминает того, о ком больше всего тосковал. Вот только... почему в памяти всплыл именно он? Похоже, я понял всё слишком поздно, растратив лучшие годы на погоню за призраком"

Пятый год правления Юнчжэна

Третий принц Хунши скончался.

<http://bllate.org/book/18338/1765887>